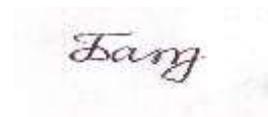


*На правах рукописи*



**БАТОВА Ольга Сергеевна**

**ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ  
Л. ПАНТЕЛЕЕВА О ДЕТСТВЕ**

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Волгоград – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Савина Лариса Николаевна*, доктор филологических наук, доцент.

Официальные оппоненты: *Минералова Ирина Георгиевна*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», профессор кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI вв.);

*Ханинова Римма Михайловна*, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», доцент, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы).

Ведущая организация – Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Защита состоится 20 декабря 2016 г. в 12.30 час. на заседании диссертационного совета Д 212 027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан \_\_\_\_\_ 2016 г.

Учёный секретарь  
диссертационного совета  
доктор филологических наук,  
доцент



К.И. Декатова

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Имя Л. Пантелеева (А.И. Еремеев, 1908–1987 гг.) известно многим почитателям детской литературы. Многие современники писателя (С.Я. Маршак, М. Горький, К.И. Чуковский и др.) называли творчество автора «Нашей Маши» и «Честного слова» редким, удивительным, уникальным по проникновению в тайны души ребёнка явлением. Активный интерес к произведениям Л. Пантелеева проявляли советские критики и литературоведы: Б.А. Бегак, А. Ивич, Н. Новицкий, Е.О. Путилова, Б.М. Сарнов, Ф.И. Сетин, С.И. Сивоконь и др. Однако авторы большинства работ, анализируя тематику и проблематику прозы Л. Пантелеева, практически не уделяли внимания поэтике его произведений, что не позволяло в полной мере оценить идейно-художественное своеобразие творчества писателя.

К сожалению, в последние десятилетия книги Л. Пантелеева были неоправданно забыты. Единственное диссертационное исследование, посвящённое анализу его творчества, датируется 1991 г. Его автор, Е.Г. Антуфьева, рассматривая повести и рассказы писателя в контексте советской прозы для детей, отмечала «принципиальное новаторство в создании характеров, жанровых форм, организации произведения, особой сказовой формы повествования»<sup>1</sup>, но комплексное исследование проблематики и поэтики творчества Л. Пантелеева так и не стало предметом специальных изысканий литературоведов.

В наши дни предпринимаются активные попытки с позиции изменившейся социокультурной ситуации взглянуть на проблематику произведений Л. Пантелеева, адресованных детям, и оценить их поэтическую составляющую. В своих работах Т. Самсонова, В. Полянский, С. Золотцев и другие исследователи отмечают, что писатель как истинный знаток души ребёнка изображает мир детства с особой психологической нюансировкой. Имя Л. Пантелеева включают в один ряд с именами А. Гайдара, Б. Житкова, Р. Фраермана, В. Бианки, на чьих произведениях выросло несколько поколений нашей страны.

Всё большую актуальность приобретает религиозно-философское прочтение произведений русской литературы, обусловленное повышенным интересом исследователей к её духовному содержанию. Несомненно, в художественном мире повестей и рассказов Л. Пантелеева о детстве присутствует религиозный подтекст, он обнаруживается и в его автобиографическом произведении «Верую...», опубликованном, согласно завещанию, через три года после его смерти в 1991 г. С позиции этого нового прочтения вполне оправдано рассмотрение в произведениях писателя метафорических моделей, восходящих к библейскому первоисточнику.

---

<sup>1</sup> Антуфьева Е.Г. Творчество Л. Пантелеева и проблемы развития советской прозы для детей (герой и жанр): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Душанбе, 1991. С. 182.

Обращение к мифопоэтической составляющей прозы Л. Пантелеева позволит выявить в его творчестве архетипы. Всё вышесказанное и обусловило **актуальность** настоящей работы.

**Объектом** диссертационного исследования являются повести и рассказы Л. Пантелеева о детстве, написанные в 1927–1987 гг., а **предметом** исследования – проблематика и поэтика данных произведений, рассматриваемая с позиции междисциплинарного синтеза литературоведения, детской психологии, социологии и религиоведения.

**Материалом** исследования послужили повести «Ленька Пантелеев», «Республика ШКИД» (написанная в соавторстве с Г. Белых), «Рассказы о подвиге» («Ночка», «Первый подвиг»), «Рассказы о детях» («Честное слово», «На ялике», «Маринка», «Долорес», «Главный инженер», «Платочек», «Трус», «Буква “ты”»), «Маленькие рассказы» («Настенька», «Плоды просвещения»), «Первые рассказы» («Портрет», «Часы»), «Рассказы для маленьких» («Рассказы о Белочке и Тamarочке», «Как поросенок говорить научился»), а также дневниковые записи «Наша Маша». Обращение к автобиографической повести «Верую...» (1991) продиктовано стремлением выявить религиозный подтекст произведений писателя, а анализ статьи «Как я стал детским писателем» необходим для исследования темы сиротства, присущей творчеству как самого Л. Пантелеева, так и духовно близкой ему детской писательницы Л.А. Чарской.

**Цель** работы состоит в том, чтобы проанализировать особенности проблематики и поэтики произведений Л. Пантелеева с позиции междисциплинарного синтеза различных научных дисциплин, исследующих феноменологию детства.

Достижение поставленной цели предполагало решение ряда конкретных **задач**:

- 1) проанализировать особенности интерпретации произведений Л. Пантелеева в литературоведении советского и постсоветского периодов;
- 2) выявить традиции русской классики и «взрослой» литературы 1920–1930-х гг., нашедшие отражение в повестях и рассказах писателя о детях;
- 3) определить роль архетипов «мудрого ребёнка», «блудного сына» и «Отца» в творчестве Л. Пантелеева.

В работе использовался комплекс дополняющих друг друга **методов** анализа, среди которых основными являются сравнительно-сопоставительный, историко-литературный, историко-типологический, культурологический и мифопоэтический. При рассмотрении рецепции произведений Л. Пантелеева, а также при выявлении традиций русской классики и «взрослой» литературы 1920–1930-х гг. используются сравнительно-сопоставительный, историко-литературный, историко-типологический методы анализа; культурологический и мифопоэтический методы применяются при выявлении роли архетипов в творчестве писателя.

**Научная новизна** работы состоит в том, что в ней впервые комплексно проанализированы особенности интерпретации произведений Л. Пантелеева советским и постсоветским литературоведением; впервые с позиции междисциплинарного синтеза проанализирована проза писателя в контексте традиций русской классики и «взрослой» словесности 1920–1930-х гг., а также выявлена роль архетипов «мудрого ребёнка», «блудного сына» и «Отца» в повестях и рассказах Л. Пантелеева, раскрывающих феноменологию детства.

**Теоретическая значимость** работы заключается в углублении принципов междисциплинарного подхода к анализу проблематики и поэтики произведений о детях и для детей; в дальнейшем развитии теоретических знаний о мифологизме детской литературы, о роли архетипов в произведениях отечественной прозы.

**Практическая значимость исследования** состоит в том, что его материалы и выводы могут быть использованы при разработке лекций по детской литературе, в процессе преподавания систематического курса отечественной словесности XX в., в спецкурсах и на спецсеминарах по теоретическим проблемам мифопоэтики. Материалы диссертации также могут найти применение при подготовке научных изданий произведений Л. Пантелеева.

**Методологическую базу диссертации** составили работы М.М. Бахтина, В.И. Габдуллиной, Д.Н. Медриша, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, посвящённые исследованию проблемы «миф – фольклор – литература»; труды по теории архетипа С.С. Аверинцева, А.Х. Гольденберга, М. Элиаде и К.Г. Юнга, а также научные изыскания В.В. Зеньковского, И.С. Кона, П.Ф. Каптерева, Д.Б. Элькониной, Л.Ф. Обуховой, А.Г. Маклакова, касающиеся различных аспектов психологии и социологии детства.

Особое место при определении методологии настоящего диссертационного исследования занимают работы Н.А. Дворяшиной, Л.В. Долженко, С.М. Лойтер, И.Г. Минераловой, Т.В. Пустошкиной, Л.Н. Савиной, Н.Г. Урванцевой и др., посвящённые исследованию феноменологии детства и реализации интегративного подхода к изображению ребёнка в отечественной литературе.

#### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Рецепция творчества Л. Пантелеева отечественным литературоведением свидетельствует о том, что в 1920–1980-е гг. в соответствии с общепринятой идеологической парадигмой исследователи акцентировали внимание на теме воспитания и социализации маленьких героев писателя, на духовном преображении бывших беспризорников и готовности советских детей к подвигу. Изменившаяся социокультурная ситуация 1990–2010-х гг. позволила расширить контекст рассмотрения произведений Л. Пантелеева о детстве и обратиться к анализу поэтической составляющей его прозы, в частности её мифопоэтического и религиозно-философского пластов.

2. Анализ творчества Л. Пантелеева в контексте русской классики XIX в. свидетельствует о том, что, изображая эмоциональный мир героя-ребёнка, писатель следует традициям психологической прозы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Прибегая как к прямой, так и к косвенной формам психологизма, он воспроизводит душевное состояние детей не только в драматические, кульминационные моменты их жизни, но и в повседневной реальности. Создавая повести и рассказы о беспризорниках, автор «Республики ШКИД» испытывает влияние романа воспитания и авантюрно-бытового романа, а также канонов «взрослой» литературы 1920–1930-х гг., изображающей процесс формирования нового человека советской эпохи.

3. Особую роль в поэтике повестей и рассказов Л. Пантелеева играют архетипы «мудрого ребёнка», «блудного сына» и «Отца». Архетип «мудрого ребёнка» подчёркивает изначальное тяготение детской природы к добру и правде, помогающее маленьким героям писателя одерживать нравственную победу в столкновении с ценностным миром взрослых. Как и евангельский блудный сын, пройдя череду испытаний и ошибок, персонажи Л. Пантелеева приближаются к божественно прекрасному первообразу, духовно возрождаясь не только с помощью педагогического воздействия взрослых и собственных нравственно-волевых усилий, но и благодаря соборному единению с другими участниками воспитательного процесса. Неоднозначно представлен в произведениях Л. Пантелеева архетип «Отца»: в повестях и рассказах, воспроизводящих ситуацию потери родителей в связи с социальными катаклизмами, данный архетип реализуется в религиозном контексте, воплощающем идею «небесного отцовства». В повестях и рассказах, действие которых происходит в мирное время, архетип «Отца» представлен в гендерном контексте «отцовское – материнское».

**Оценка достоверности** результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приёмы исследования, объём анализируемого материала репрезентативен, поскольку включает широкий круг произведений Л. Пантелеева о детстве; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в журнальных публикациях и сборниках научных статей.

**Апробация работы и публикации:** концепция, основные идеи и результаты исследования были изложены на международных VI, VII, VIII научных конференциях «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре» (Волгоград, 2011, 2013, 2015); XIII, XIV и XV научно-практических конференциях «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2012, 2013, 2014); в ходе всероссийских научно-практических конференций «Особенности духовно-нравственного формирования личности в современных условиях» (Михайловка, 2009, 2010); на III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (Екатеринбург, 2013).

Основные положения и выводы работы нашли отражение в одиннадцати публикациях, в том числе в трех рецензируемых журналах из

перечня ведущих изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

**Структура работы:** диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 195 источников.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы работы, определяется степень её научной новизны, формулируются цели и задачи, объект, предмет и методологическая основа исследования, приводятся положения, выносимые на защиту, указывается теоретическая и практическая значимость работы, а также сведения о её научной апробации.

В **первой главе «Творчество Л. Пантелеева в контексте отечественной словесности о детях и для детей»** произведения писателя рассматриваются с позиции интегративного подхода литературоведения, психологии, социологии и других научных дисциплин. В *параграфе 1.1 «Детская литература в “зеркале” современной методологии»* представлен анализ литературоведческих работ последних десятилетий, авторы которых, преодолевая социологические и педагогические подходы к трактовке темы детства, пытаются обрести новый взгляд на хорошо известные художественные произведения. Определяя роль детской литературы XX в. в решении воспитательных и образовательных задач, они обращаются к рассмотрению её идеологической составляющей, связывая авторские интенции писателей с доминирующим направлением государственной политики.

Опираясь на традиции отечественной и зарубежной словесности, учитывая эстетические приоритеты художников слова, проблематику и поэтические особенности их произведений, учёные рассматривают детскую литературу как составную часть общей национальной культуры. Особое внимание авторы диссертаций последних лет уделяют проблемам сравнительной поэтики<sup>2</sup>. Наряду со сравнительно-сопоставительным методом литературоведы активно используют биографический, историко-литературный и историко-функциональный методы исследования.

---

<sup>2</sup> См.: Аникина Ю.А. Специфика конфликта в художественном мире В.П. Крапивина (2014), Дворяшина Н.А. Феномен детства в творчестве русских символистов (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт) (2009), Челюканова О.Н. Художественный и внутрилитературный синтез в развитии русской прозы для детей и юношества 50–80-х гг. XX века (2015), Черкашина Е.Л. Образ детства в творческом наследии И.А. Бунина (2009), Шестакова Е.Ю. Детство в системе русских литературных представлений о человеческой жизни XVIII–XIX столетий (2007) и др.

В последние десятилетия всё чаще заявляет о себе культурологический метод, который предполагает интерпретацию образов и прочтение русской литературы с учётом многослойного библейского подтекста. Активно используется в трудах современных исследователей и мифопоэтический метод, который чаще всего применяется в комбинации со сравнительно-сопоставительным и историко-типологическим методами исследования<sup>3</sup>.

В параграфе 1.2 «Рецепция произведений Л. Пантелеева отечественным литературоведением» представлен обзор работ, посвящённых творчеству писателя. Многие учёные (Б.А. Бегак, А. Ивич, С.Я. Маршак, Н. Новицкий, Е.О. Путилова, Б.М. Сарнов, Ф.И. Сетин, С.И. Сивоконь, К.И. Чуковский и др.), исследуя проблематику произведений Л. Пантелеева, выделяли в его творчестве две основные темы: беспризорность и подвиг. Но главное, на чем делали акцент практически все критики, это действенные методы воспитания, которые способствовали преобразению детей, «испорченных прежней жизнью» (А. Ивич). Воспитательный момент становится главным и в процессе анализа дневниковых записей писателя «Наша Маша» (1966), посвященных его дочери.

Сформированный советской действительностью герой-ребёнок в произведениях Л. Пантелеева был явно способен не только к духовному преобразению, но и к самому настоящему подвигу. По вполне справедливому мнению А. Ивича, «подвиг» и «дети» – генеральные темы Пантелеева – в сущности, слиты для него. Следует обратить внимание и на то, что в творчестве писателя тема подвига тесно переплетается с изображением Великой Отечественной войны, во время которой маленькие герои и проявляют себя в полную силу.

Однако, подробно исследуя проблематику произведений Л. Пантелеева, советские литературоведы (Н. Новицкий, Б.М. Сарнов, С.И. Сивоконь и др.) не уделяли особого внимания вопросам поэтики, в частности анализу психологического мастерства писателя. Точность психологического рисунка в изображении эмоционального мира героя-ребёнка в произведении Л. Пантелеева «Часы» (1928) отмечала лишь Е.О. Путилова, но и она так же, как и её коллеги, не рассматривала приемы анализа, с помощью которых автор достигал этой психологической точности.

Немногочисленные исследования Б.М. Сарнова были посвящены своеобразию рассказов писателя, которые, по его мнению, не укладывались в твердые рамки жанра из-за фрагментарности и дневниковой манеры письма. У этого же критика мы находим и анализ способа повествования – единственной возможной формы раскрытия сюжета, являющейся приметой

---

<sup>3</sup> См.: Головина Л.Г. Реализация мифологем «дом» и «странничество» в русской прозе XX в. о беспризорниках и детях-сиротах (2011), Дворак Е.Ю. Русское детское фэнтези: жанровая специфика и особенности мифопоэтики (2015), Лойтер С.М. Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия (2002), Урванцева Н.Г. Поэтика зеркала в русской детской литературе XX века (2006) и др.

подлинно художественного текста. Наряду с вопросами жанра литературоведы обращали внимание и на архитектуру произведений Л. Пантелеева. Так, Г.А. Островатикова в работе «Циклизация в повести Г. Белых и Л. Пантелеева “Республика ШКИД”» (2011), отмечая «монтажность» композиции этого произведения, подчёркивала, что следование глав друг за другом, кажущееся, на первый взгляд, случайным, тщательно спланировано и отражает процесс становления характеров беспризорников, тем самым организует сюжет повести.

Попытку вписать прозу писателя в контекст детской литературы предприняла Е.Г. Антуфьева, автор единственной кандидатской диссертации, посвящённой творчеству Л. Пантелеева. В своей работе «Творчество Л. Пантелеева и проблемы развития советской прозы для детей (герой и жанр)» (1991) она выделила основные составляющие художественного мира автора «Республики ШКИД». Отметив новаторскую трактовку писателем героического характера, Е.Г. Антуфьева указала на сочетание в его персонажах высокого и низкого, что позволило создать художественно достоверные литературные типы эпохи.

Оригинальный взгляд на творчество Л. Пантелеева в статье, приуроченной к 75-летию со дня его рождения, предложил Н. Новицкий, подвергнув сомнению тот факт, что автора «Республики ШКИД» можно назвать детским писателем. Критик считал, что дело тут, конечно, не только в том, что некоторые из произведений Пантелеева предназначены вовсе не для детского чтения. Его позиция была обусловлена тем, что с понятием «детский писатель» в общественном сознании подчас связано представление об упрощенности стиля, облегченности мысли, дидактической прямоте, не оставляющей места для бесконечной сложности жизни. Пантелеев же работал без скидок на так называемые особенности детского восприятия, в первую очередь он художник, а уже потом – дидактик и педагог.

Разумеется, дело здесь не в словесной эквилибристике; несмотря на разночтения в определении самих терминов «детская литература» и «детский писатель», и литературоведы, и сами юные читатели прочно вписали произведения Л. Пантелеева в золотой фонд детского чтения. Однако изменившаяся социокультурная ситуация последних десятилетий настоятельно диктует необходимость ещё раз внимательно перечитать повести и рассказы писателя, избавив их от идеологических клише, однозначности критических оценок, акцентирующих педагогический пафос его творчества. Именно поэтому мы предлагаем в *параграфе 1.3 «Психологическая проза Л. Пантелеева в контексте русской классики и “взрослой” литературы 1920–30-х годов»* сопоставить его повести и рассказы не только с наследием Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, но и с созвучными писателю произведениями его современников.

По мнению В. Глоцер, практически вся проза Л. Пантелеева автобиографична. Разумеется, речь идёт не о точном воспроизведении им фактов собственной жизни, а об их творческом автопсихологическом осмыслении. В этом отношении, определяя свою манеру письма, Пантелеев

явно ориентировался на традицию автобиографических произведений, в частности на прозу Л.Н. Толстого, который в повести «Детство» предпринял первую в истории русской словесности попытку воссоздать внутренний мир героя-ребенка во всем многообразии его психологических нюансов. Однако в советское время многие авторы, адресовавшие свои книги детям, старались избегать подробного психологического описания поведения маленьких персонажей. Причину данного явления наиболее точно определил А.С. Макаренко в статье «Стиль детской литературы» (1938), утверждая, что психологический анализ обязательно усложнит сюжет и остановит движение действия.

Творчество Л. Пантелеева в этом отношении явилось полным исключением из правил. Повести и рассказы автора «Республики ШКИД» (1927), близкие писательской манере Л.Н. Толстого, изображали душевную жизнь людей в виде бесконечной и прихотливой смены состояний. Используя внутренний монолог, описание эмоций, жесты, мимику, Л. Пантелеев, как и его великий предшественник, никогда не отделял изображение поступков персонажей от их психологических характеристик. Его повествованию также была присуща связь эмоций с действиями, с процессом мотивации, с преобразованием потребности в деятельность. В видении, комментировании и оценке глазами взрослого человека поведения персонажей-детей Пантелеев тоже следовал традиции Л.Н. Толстого. Личный тон его размышлений был лишен всякой эмоциональной напряженности, поэтому теоретические «отступления» стали необходимым элементом его поэтики.

Изображение эмоций, их связь с действиями мы встречаем в целом ряде произведений писателя. Так, например, в дневниковых записях «Наша Маша» автор делает акцент на эмоции стыда, изображение которой предоставляет возможность проследить переплетение двух приемов психологического изображения: речи героев-детей и описания их мимики. Заметим, что писатель показывает стыд во взаимодействии с другими эмоциями, что в полной мере присуще столпам русского психологического письма – Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому. Достаточно вспомнить эпизод из «Детства» (1852) Л.Н. Толстого, воспроизводящий историю отношений Николеньки Иртеньева и Иленьки Граппа. Главный герой повести испытывает глубокое чувство стыда, раскаиваясь в своих поступках, понимая, что поддался ложному чувству превосходства над слабым.

Паттерн стыда и испуга как формы проявления эмоции страха оказывает мотивационное воздействие и на героиню «Нашей Маши», регулируя ее поведение. Однако девочка может стыдиться и за тех, с кем она себя отождествляет. Подобный случай описан Ф.М. Достоевским в первом сне Раскольникова в романе «Преступление и наказание» (1866). Маленький Родя, пытаясь спасти бедную лошадку, испытывает не только душевную боль от созерцания страданий животного, но и стыд за взрослых и сильных мужиков, за Миколку, забивающего насмерть «лядащую клячонку». Идентифицируя себя с другим человеком, ребёнок формирует концепцию

того, как он должен себя вести, каким он должен или не должен быть. Если человек отклоняется от правильной модели поведения, ребёнок испытывает стыд и за него. Например, Маше стыдно за мальчика, который не уступил место маме с тяжелыми сумками, за девочку, которая жестоко обращалась с насекомым.

В рассказе «Главный инженер» (1942) Л. Пантелеев, используя традиции психологического анализа, демонстрирует процесс зарождения и протекания эмоции страха в её взаимодействии с чувством вины и эмоцией стыда, подчёркивая связь данной эмоции с действиями героя. Помимо использования прямой формы психологического анализа (речи героев) и косвенной (мимики, жестов), в этом рассказе появляется еще одна форма прямой передачи информации о персонаже-ребёнке – внутренние монологи.

Если в «Главном инженере» внутренние монологи выступают в комплексе с другими формами психологического анализа, то в рассказе «Ночка» (1940) им принадлежит ведущее место. Будучи немногосложными, иррациональными, они звучат в периоды смятения, потрясений, переживания каких-то серьезных событий. Достаточно вспомнить монологи главной героини рассказа, Матрены, которые она произносит, испытывая страх потерять любимую корову и оказаться в плену у бандитов. Девочка не просто хочет обмануть своих врагов, она на ходу придумывает, каким способом это сделать. Её высказывания свидетельствуют о способности юной героини быстро принимать решения и брать на себя ответственность за случившееся.

В рассказах «Маринка» (1942) и «На ялике» (1943) особую смысловую нагрузку приобретают портреты детей. Вслед за Ф.М. Достоевским Л. Пантелеев обращается к приёму двойного портретирования, с его помощью подчёркивая перемены, происходящие во внутреннем мире персонажей, те душевные метаморфозы, которые накладывают отпечаток на внешний облик героя или героини психологического повествования. В рассказе «Маринка» Л. Пантелеев дважды описывает внешность ребёнка. Первый портрет девочки, своим цветущим видом напоминающей фарфоровую куклу, дан незадолго до начала войны. Второй – уже в осажденном блокадном Ленинграде. В рамках классической традиции в портрете героини Пантелеев выделяет психологическую деталь, в данном случае – глаза. До войны они были живыми, а во время блокады стали ввалившимися. Эта резкая перемена указывает на то, что страдания оказали сильнейшее воздействие на душу ребенка, – и это сразу выдают глаза. Два описания внешности Маринки сопровождаются авторским комментарием, который передает тончайшие оттенки эмоционального состояния ребёнка с помощью речевой характеристики и указания на невербальное поведение девочки. Авторские размышления позволяют наметить параллель между детским озорством, отмеченным в первом портрете, и недетской способностью преодолеть страх, которая выражается во втором.

Тончайшую мотивировку поведения героев-детей мы обнаруживаем и в произведениях Л. Пантелеева, изображающих ситуацию игры, например в рассказе «Честное слово» или дневниковых записях «Наша Маша». Как известно, психология игры, помогающая раскрыть богатый духовный мир ребёнка, была впервые представлена в автобиографической повести Л.Н. Толстого «Детство», автор которой одним из первых в русской литературе показал, что в творении особого мира игры огромная роль принадлежит фантазии ребёнка, его воображению, преобразующему предметы.

Помимо игры, особое внимание Л. Пантелеев отводит такому композиционному приёму изображения внутреннего мира маленьких героев, как сон. Сновидения не только являются своеобразной «калькой» событий, происходящих в жизни ребёнка, но и обладают символическим подтекстом, помогающим обнаружить скрытые желания детей. Страх голода находит воплощение во сне Петьки Валета («Часы»), который видит, как он в гостях у бабки Фёклы ест мясо. Вторая часть сна, когда Петька убегает от преследователей, явно навеяна событиями его беспризорного прошлого.

Следует подчеркнуть, что такое важное художественное средство, как сон, после которого часто наступает перелом в душе и жизни героя, использовали в своих произведениях многие писатели. Достаточно вспомнить вещий сон Татьяны Лариной; сон Обломова, который позволил понять обстоятельства, повлиявшие на формирование его характера; многочисленные сны персонажей Л.Н. Толстого, например сон Андрея Болконского, раскрывающий его честолюбивые мечты, и т. д. Однако особую роль сны играют в творчестве Ф.М. Достоевского. Пророчески-символические видения с реалистической мотивировкой можно назвать кризисными, т. к. они помогают персонажам лучше понять себя, а впоследствии приводят их к перерождению. Подсознание позволяет героям увидеть во сне то, чего не было в их реальной жизни. Так, в «Преступлении и наказании» постепенно раскрывается настоящая натура Раскольникова, без всякой «арифметической» идеи. Например, сон о лошади, навеянный воспоминаниями детства, не только демонстрирует скрытые стороны его страдающей души, но и заставляет читателя усомниться в способности бывшего студента совершить запланированное им убийство старухи-процентщицы. «Кризисная вариация сна» (М.М. Бахтин), после которой следует обновление героя, встречается и в произведениях Л. Пантелеева, в частности в упомянутом нами рассказе «Часы».

Актуализируя интерес читающей публики к вопросам духовной жизни личности и проблемам воспитания, Л. Пантелеев одним из первых ввёл в отечественную словесность образ героя-беспризорника. Массовое появление таких детей стало результатом революционных потрясений и гражданских катаклизмов XX в. Справедливости ради отметим, что тема «трудного детства» и образ маленького бродяги уже встречались в художественных произведениях XIX – начала XX в. В качестве примера можно привести бездомного сорванца Гавроша из «Отверженных» (1862) и других

персонажей из произведений В. Гюго, «Приключения Оливера Твиста» (1839) Ч. Диккенса, «Гуттаперчевого мальчика» (1883) Д.В. Григоровича, «Вертел» (1885) Д. Мамина-Сибиряка, «Детей подполья» (1886) В.Г. Короленко, «Деда Архипа и Лёньку» (1893) М. Горького, «Рыжика» (1901) А.И. Свирского и «Белого пуделя» (1903) А.И. Куприна. В трактовке же писателей советского периода (А.С. Неверова, В.Я. Шишкова и др.) тема беспризорности тесно соприкоснулась с традициями романа воспитания, возникшего в литературе немецкого Просвещения и демонстрировавшего проблемы психологического и социального формирования личности. В отечественном литературоведении анализ жанра романа воспитания связан, в первую очередь, с именем М.М. Бахтина, считавшего, что, в отличие от большинства произведений, где представлен образ «готового героя», остающийся неизменным, несмотря на наполненную событиями судьбу, главной особенностью романа воспитания является «момент существенного становления человека» (М.М. Бахтин).

В 1920–1930-е гг. изображение беспризорности становится «удобной» платформой для показа литературой соцреализма процесса формирования нового человека, отказывающегося от всего личного, в том числе от семьи и дома. Несомненно, в этом отношении детская словесность повторяет путь развития «взрослой». Писатели, создавая характерные типы эпохи, актуализируют социально-психологические конфликты, порожденные революцией и Гражданской войной, связывая жизнь своих героев с судьбой целого поколения, с возникновением у них чувства коллективизма и классового самосознания. Именно так, например, литературоведы и педагоги трактуют образ Бориса Горикова, главного героя автобиографической повести А.П. Гайдара «Школа» (1929), характеризуя его как человека нового времени, пришедшего к единственно правильному решению порвать с прежней жизнью и вступить в партию большевиков. По канонам романа воспитания строятся и книги А.С. Макаренко «Педагогическая поэма» (1925–1935) и «Флаги на башнях» (1938), имеющие явную воспитательную направленность.

В похожем русле рассматривались советской критикой и произведения Л. Пантелеева, который, как и его коллеги по писательскому цеху Л.Н. Сейфуллина в рассказе «Правонарушители» (1922) и В.Я. Шишков в повести «Странники» (1928–1930), показывал процесс отхода персонажей-детей от прежних мещанских или криминальных идеалов и последующее их духовное преображение. На моментах скитаний и испытаний героев, на анализе процесса их нравственного возрождения, на становлении нового человека и целого коллектива акцентировали внимание практически все советские критики, обращаясь к пантелеевской «Республике ШКИД», к его рассказу «Портрет» (1927) и повести «Часы». По мнению А. Ивича, автор сумел разглядеть человека под разъедающей его душу коростой грубости, примитивного себялюбия, аморальных поступков – всего, что нажито беспризорным детством. Именно таким образом происходило высвобождение ребят из-под власти улицы.

Однако, на наш взгляд, в творчестве Л. Пантелеева соотношение социально-классового и индивидуально-неповторимого начала не укладывалось в ограниченную модель соцреалистической эстетики. Примечательно, что традиция романа воспитания, реализованная писателем, сопровождалась ещё и следованием канонам авантюрно-бытового романа, особенно в повестях и рассказах о беспризорниках. Это сближение проявлялось, прежде всего, на уровне хронотопа, характерного для данного типа романа. Как и в классическом образце этого жанра – книге Апулея «Золотой осёл», действие «Республики ШКИД» и «Часов» не разворачивается в биографическом времени в строгом смысле этого слова, изображаются лишь важные, исключительные и переломные моменты жизни ребят, причём кратковременные по сравнению с долгим жизненным целым. Но именно эти моменты определяют как окончательный образ самого человека, так и характер всей его последующей жизни. Несомненно, изображение эмоционального мира маленьких персонажей свидетельствовало о высоком уровне психологизма прозы Л. Пантелеева, о блестящем усвоении писателем канонов классической и современной ему литературы.

Во второй главе «**Фольклорно-мифологические образы в произведениях Л. Пантелеева о детстве**» в русле современного прочтения творчества писателя представлены архетипы «мудрого ребёнка», «блудного сына» и «Отца», встречающиеся в его произведениях. *Параграф 2.1 «Архетип “мудрого ребёнка” в повестях и рассказах Л. Пантелеева о сироте»* посвящён анализу фольклорных элементов, используемых писателем в реалистических художественных текстах. Обращение авторов, пишущих для детей, к сказочному началу объясняется, во-первых, занимательностью и динамизмом сюжетного действия, а во-вторых, особенностями восприятия текста юными читателями, их стремлением насладиться в финале повествования торжеством добра и справедливости. Как правило, в фольклорных произведениях безымянные сказители наделяли социально обездоленных, например падчерицу, не только положительными душевными качествами, но и сообразительностью, находчивостью, хитростью, помогающими избежать опасности и выйти победителем из столкновения с тёмными силами.

В детской литературе похожий образ ребенка-сироты появился уже в середине XIX в. В этот период особой популярностью пользовались сентиментальные произведения С.П. Бурнашевой «Розовое лекарство», В.Ф. Одоевского «Сиротинка», Е. Волкова «Должно сострадать в несчастье других», Н.П. Протопопова «Несчастье и счастье не за горами, а за плечами», Н. Петровой «Сиротка». Но время вносило свои коррективы в моделирование данного образа, и в двадцатые годы XX в. на смену чувствительным рассказам об участии несчастных сироток пришли книги о детях, столкнувшихся с жестокой реальностью войн и революций. Чтобы ярче показать процесс становления сознания юных героев, авторы реалистических произведений о детстве, созданных в 1920–1930-х гг., особое

внимание стали уделять событийной канве, формирующей характер ребёнка, именно поэтому в их книгах мы обнаруживаем композиционные элементы и мотивы, соответствующие архетипической схеме волшебной сказки.

Как правило, образ «мудрого ребенка», который генетически восходит к образу падчерицы из фольклорных сказок, встречался в произведениях, воссоздававших кризисные моменты процесса социализации подростков, когда в силу внешних обстоятельств происходило их резкое взросление. Обычно такие качественные «скачки» приходились на время революционных потрясений или военных действий, когда дети вынуждены были расстаться с уютом и спокойствием семейной жизни и погрузиться в мир, полный опасностей, горестей и поистине недетских испытаний.

Предпринятый нами анализ позволил прийти к выводу, что на появление в творчестве Л. Пантелеева целой плеяды детей-сирот оказали влияние не только веяния эпохи и его личные жизненные впечатления, но и книги известной детской писательницы Л.А. Чарской, которыми он зачитывался, будучи ребенком. Тематическая близость творчества этих художников слова и обусловила необходимость предпринятого нами сравнения их произведений с фольклорными источниками.

Если обратиться к сюжетной канве сказки и «наложить» её на повести и рассказы Л.А. Чарской и Л. Пантелеева, то мы увидим немало общего. В фольклорных произведениях своеобразную форму «отлучки» (В.Я. Пропп) представляет собой смерть родителей, далее, согласно традиции, следует отправление героя в путь, затем преодоление ребёнком-сиротой различных испытаний, и завершается повествование счастливым финалом. Как и в сказках, завязкой сюжетного действия в произведениях Л. Чарской и Л. Пантелеева, помимо смерти родителей, служит потеря героями-детьми драгоценного предмета или утрата дорогого их сердцу существа. Созданные ситуации побуждают их к поиску способов разрешения своих проблем, таким образом, в произведениях появляется мотив отправления в путь. Дети, подобно сказочным персонажам, стараются возместить утраченное, чтобы восстановить душевную гармонию. Далее по ходу развития сюжета возникает хронотоп дороги: как и сказочные персонажи, герои Л. Чарской и Л. Пантелеева покидают «своё» пространство и перемещаются в «чужое».

В дальнейшем детей ждут различные испытания. Сироты переживают некое подобие инициации, которая, как известно, является одним из ритуалов, сопровождающих наиболее значимые социально-личностные изменения в жизни человека (рождение, взросление, брак и т. д.). Именно своеобразная «проекция» этого обряда и определяет дальнейшую судьбу главных героев. Типичным атрибутом инициации является соревнование или отгадывание загадок. В произведениях Л. Чарской «Сибирочка» (1910) и «Записки сиротки» (1907) и Л. Пантелеева («На ялике», «Ночка», «Часы», «Маринка») роль «испытателей» играют или роковые обстоятельства, или реальные люди: директор цирка господин Ленч («Записки сиротки»), персонажи-бандиты («Ночка»), милиционер («Часы»), немец («Маринка»).

Как правило, дети с честью проходят «проверку на прочность». В ходе испытаний они, в отличие от взрослых, проявляют не только мужество, но и смекалку, присущую «мудрому ребёнку». Подобно героине фольклорной сказки «Дочка-семилетка», Матрена в рассказе Л. Пантелеева «Ночка» обманывает врагов и уводит их в другую сторону. Чтобы сбежать из приюта и продать краденые часы, идёт на любую хитрость Петька Валет. Мальчик и в кипятке купается, и в рот себе часы прячет, и закапывает драгоценный предмет в землю, пометив заветное место прутиком.

«Мудрый ребенок» не только способен разрешить запутанную ситуацию, ему присущ и дар предвидения. Восходит это умение также к фольклорной традиции. Героиня рассказа Л. Пантелеева «Платочек» (1951) дарит солдату пакет и не велит его раскрывать до взятия Берлина, тем самым предвидя исход войны. Этот платочек, как волшебный оберег, оказывается своеобразным талисманом для рассказчика: он не погибает в боях и доходит целым и невредимым до столицы Германии.

Соответствие произведений архетипической схеме волшебной сказки наблюдается также и на уровне системы образов. Попадая в трудную ситуацию, герой-ребёнок не может действовать в одиночку, обычно он обретает «волшебных помощников». В этой роли в рассказе Л. Пантелеева «Ночка» выступает дядя Фёдор: неожиданно появившись на реке, он предлагает Матрене сесть в лодку и найти корову. В Кудеяре, отдавшем часы Петьке, реализуется образ дарителя, т. к. в дальнейшем золотые часы, подобно волшебному предмету, помогают Петьке обрести счастье.

Образы вредителей также присутствуют в произведениях писателей. Л.А. Чарская противопоставляет своих добрых и отзывчивых детей миру злодеев: например, Катю с Альфом – господину Ленчу, эксплуатирующему детей-сирот в цирке; Сибирочку – тете Аннушке, думающей только о своем благополучии. Л. Пантелеев также реализует сказочную оппозицию «добро – зло», противопоставляя детей-сирот миру фашистов или бандитов.

Как правило, произведения о сироте имеют счастливую концовку, что вполне отвечает не только жанровым требованиям сказки, но и особенностям детского восприятия: победа добра над злом способствует удовлетворению чувства справедливости, так необходимого ребенку. Однако некоторые законы фольклорной сказки («сказано – сделано», статичность характера персонажа и др.) у Пантелеева нарушаются, что объясняется, в первую очередь, тяготением писателя, да и детской литературы XX в. в целом, к традиции реалистической поэтики и различным формам психологизма.

В параграфе 2.2 «Архетип “блудного сына” в произведениях Л. Пантелеева о беспризорниках» рассматривается воплощение библейского протекста в повестях и рассказах писателя. Как известно, жанр романа о беспризорниках имеет свои корни как в европейской (В. Гюго «Отверженные», Ч. Диккенс «Приключения Оливера Твиста»), так и в современной Л. Пантелееву русской литературе («С мешком за смертью» (1924) С.Т. Григорьева, «Правонарушители» (1922) Л.Н. Сейфуллиной,

«Ташкент – город хлебный» А.С. Неверова (1923), «На графских развалинах» (1929) А.П. Гайдара, «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко и др.). В одних произведениях на первый план выходили различные приключения и весьма далёкие от реальности образы подростков, в других – тяготы мира «блудных детей», в силу тех или иных причин отпадших от нормальной человеческой жизни.

Заметим, что литература первой трети XX в., повествующая о переходной эпохе войн и революций, достаточно часто обращалась к сюжету о блудном сыне, восходящему к Евангелию от Луки. Своеобразная метафорическая модель данного сюжета представлена и в произведениях Л. Пантелеева. Его герои покидают родной дом и, подобно блудному сыну, порывают с традиционными моральными устоями, тем самым отдаляясь от божественно прекрасного первообраза. Своими деяниями они только подтверждают притчевую истину, расточая «имение свое, живя распутно» (Лука 15, 13). Оказавшиеся на улице домашние мальчишки, постепенно приобщаясь к криминальному миру, усваивают его законы. Так, например, Петька Валет («Часы») воспринимает обман и воровство как привычное, обыденное занятие, некую норму жизни. Круговой порукой и нерушимым законом «своих не выдавать», как и полагается в мире криминала, в начале повести Л. Пантелеева связаны все шкидовцы. Психологическая близость блудному сыну отчетливо прослеживается в образе шкидовца Леньки: почувствовав скуку и забыв свои обязанности сына и брата, мальчик убежал из дома. Автобиографический характер данного образа несомненен: не случайно в повести «Верую...» Л. Пантелеев признавался, что и сам в годы юности пережил соблазн безверия, на собственном опыте познав, что чувствует человек, в душе которого уже нет ничего святого.

Однако причину нравственного падения персонажей писателя литературная критика советского периода объясняла исключительно социальными условиями. Да, с одной стороны, именно историческое время сформировало характер подростков, ведь дети столкнулись с жестоким миром революционных событий, инициаторами которых были не они, а взрослые. Маленькие герои познали, что такое сиротство и голодное существование. Однако, как известно, человек, в силу дарованной ему Богом свободы выбора, может сам решать: подчиняться или не подчиняться нравственным законам. Поддаваясь соблазнам, персонажи Л. Пантелеева сами сделали свой выбор: они нарушили веками устоявшиеся представления о добре и зле и впали в грех, следствием чего стало их духовное и физическое вырождение. В итоге дети ожесточились и утратили способность к состраданию и покаянию.

Автор отмечает, что долгое время подростки находятся в так называемом пограничном периоде, не различая критерии добра и зла. Им нелегко отказаться от привычных догм, от существования «по понятиям». Переходу детей на качественно иной уровень сознания способствуют нравственные испытания, которые они проходят в новом для них обществе. Однако мальчишки, попав в школу или приют, то и дело возвращаются к

привычному для них криминальному укладу жизни. Достаточно вспомнить, как Янкель не справляется с ответственной ролью дежурного и ворует с Цыганом табак. Примечателен и другой случай, произошедший с Ленькой Пантелеевым и Сашкой Пыльниковым. Захотев однажды побузить, ребята разбивают стекла, надеясь, что никто об этом не узнает. Как настоящие «сламщики», они, обманывая взрослых, не признаются в своих грехах и не выдают друг друга.

Однако, пройдя череду испытаний и приобщившись к нравственным ценностям, дети постепенно отходят от правил старого, привычного для них мира. Поскольку в христианстве грех связан с идеей спасения и искупления, кульминацией евангельской притчи становится возвращение сына к Отцу после всех пережитых им испытаний. Как полагал Л. Пантелеев, это чудо заложено в самом человеке в виде неумирающего нравственного закона, в соответствии с которым блудный сын не может, оставаясь подобием Божиим, не вернуться к Отцу.

Эволюция человека осуществляется через углубление в себя и постижение извечных законов бытия, через испытания он «возвращается» к себе истинному, а значит, к Богу. Самое главное, что способствует духовному перерождению личности, – это единение человека с окружающими его людьми. В основе греха лежит эгоизм, самолюбие: не случайно в начале повествования герои Пантелеева замкнуты, одиноки и обособлены. Но, постепенно приобщившись в коллективе к нормальным человеческим ценностям, ребята начинают чувствовать себя единым целым, учатся уважать и любить своих близких и ценить человека в себе. Эти перемены писатель показывает, используя приём контраста, свидетельствующий об изменениях, произошедших во внутреннем мире маленьких героев. В результате переосмысления прежнего опыта жизни Петька Валет забывает о своём воровском идеале и начинает испытывать чувство привязанности к ребятам и воспитателям из приюта. Отходят от правил криминального мира и шкидовцы. Достаточно вспомнить, как они набрасываются на Слаёнова, опутавшего их своей сетью «паучка». Подростки не желают более находиться в положении его рабов. Постепенно изменяется и статус героев Л. Пантелеева: те события, которые вначале были для них испытанием, становятся элементами другой жизни. Например, Петьке нравится быть теперь не вором, а старостой в приюте. Долгорукий, Громоносцев, Бессовестин с радостью занимаются не обманом, а сельскохозяйственной работой и т. д. Таким образом, в душах подростков наступает духовное прозрение.

Героям Л. Пантелеева удается «воскреснуть» «не своею индивидуальной волею и властью, но посредством *Ближнего*» (И.А. Есаулов). Таким образом, «соборное единение» бывших беспризорников может быть объяснено совпадением сверхличного «долга» и свободного самоопределения героев. Библейская притча подчеркивает, что кающийся

грешник никого не винит в своих бедах, он не оправдывает свои пороки ссылкой на внешние обстоятельства, осознавая, что грешен он сам. Подобно библейскому герою, пройдя череду испытаний, персонажи Л. Пантелеева начинают понимать, насколько аморальны были их поступки и мелочны представления о жизни. Писатель вводит в свое повествование мотив раскаяния, который реализуется через появившееся у его героев чувство стыда. В рассказе «Портрет» воплощается еще один мотив притчи – прощение. Его функцию несёт решение Коськи извиниться за свой поступок перед сестрой Наташей.

Выявленный нами библейский подтекст позволяет говорить о том, что произведениям Л. Пантелеева близок мир данной притчи не только на основе метафоричности общих сюжетных мотивов, но и в силу присутствия религиозного подтекста в сознании писателя, что следует из его признания в автобиографическом произведении «Верую...».

*«Архетип “Отца” в прозе Л. Пантелеева»* – так назван параграф 2.3 – играет не менее важную роль. Перед глазами читателей предстают дети, лишённые родительской ласки и мудрого отеческого руководства. Достаточно вспомнить Маринку («Маринка»), Матвея Капитоныча («На ялике»), Коську («Портрет»), маленьких героев записок писателя «В осажденном городе» (1966). Особенно многочисленна плеяда персонажей-сирот в повести «Республика ШКИД». Постепенно в их жизни место отца начинает занимать человеческое общество, вначале это специфический воровской мир, где ими руководят криминальные авторитеты. Впоследствии, когда подростки попадают с улицы в школу, настоящим Отцом для них становится заведующий – Виктор Николаевич Сорокин, который, став главой республики ШКИД, создаёт своеобразную метафорическую семью. Педагог понимает, что ребята преступили Божии Заповеди под воздействием сложившихся обстоятельств, поэтому старается обнаружить в душе каждого доброе зерно, тем самым укрепив «нити» духовного родства: например, у Николая Громоносцева он отмечает математический талант, а у Гришки Черных – дар художника. В эпоху войн и революций именно Викниксор воплощает идею «небесного отцовства», как и Отец в притче о блудном сыне, он не может не простить своих воспитанников и не способствовать их нравственному преображению. Он понимает, что для этого не нужно следовать культуре силы, ведь Творец создал людей не для того, чтобы повелевать и помыкать ими. С первых и до последних страниц Библия свидетельствует о Боге не как о Хозяине, Повелителе, а именно как о любящем Отце.

Талантливый педагог всеми силами старается превратить казенный дом в «дом-гнездо». Важной вехой на этом пути оказывается заложенная притчей о блудном сыне возможность прощения Отцом за греховный проступок. Викниксор утверждает великую силу милосердия, которое находит выражение в равнодушном отношении к духовным потребностям

ребят. В его сердце живёт подлинная «любовь к ближнему, а значит, и любовь к Богу» (Иов: 1–5, 37–42).

Идею «небесного отцовства» воплощает и герой рассказа «Портрет» дядя Костя, по прозвищу Борода, который принимает сироту Коську в свою семью. Несмотря на то, что у Бороды тяжелое прошлое (в царское время он прошёл через каторгу), герой Пантелеева открывает свое сердце и полностью доверяет беспризорному мальчику, полагая, что тяжелые времена не вытеснили из души ребенка совесть и порядочность. Борода думает не только о материальных, но и о духовных потребностях ребенка, зная, что Коська лишен и родителей, и обучения, и многого другого.

Идея «небесного отцовства» реализуется и в произведении Л. Пантелеева «Первый подвиг» (1944), герой которого полковник Мережанов рассказывает незнакомому ему мальчику-пастуху, нещадно курящему табак, о том, как из-за сигареты при выполнении боевого задания погиб его друг Алиханов. По признанию полковника, именно это событие побудило его бросить курить, совершив, таким образом, подвиг преодоления собственной пагубной слабости. Несомненно, повествование Мережанова близко евангельским притчам (Лк. 6: 13–16) своим поучительным, а не назидательным началом. В конце произведения под воздействием услышанного мальчик-пастушок сам делает нужный вывод: он по привычке закуривает, но затем, посмотрев на сигарету, бросает её. Поучение полковника для него становится своеобразным отцовским наставлением, наказом, данным незнакомым, но духовно близким мужчиной. Отметим, что идея «небесного отцовства» не случайно проявляется в произведениях, воссоздающих трагические события войн и революций, именно в данный период ребёнку, оставшемуся без попечительства близких, особенно важна нравственная помощь духовно близкого человека, пусть и не связанного с ним кровными узами.

В тех же произведениях Л. Пантелеева, в которых не актуализируется ситуация потери родителя, образ главы семейства реализуется в гендерном контексте «отцовское – материнское». В связи с изменением отношений в семье в образе отца власть и авторитет уходят на второй план, уступая место материнскому началу – любви и теплу. Именно такое воплощение архетипа «Отца» мы встречаем в дневниковых записях писателя «Наша Маша», посвященных его дочери, а также в целой серии рассказов: «Трус» (1940), «Буква “Ты”», «Настенька» (1960), «Плоды просвещения» (1960) и др.

В **заключении** диссертации излагаются общие итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы, связанные с анализом произведений конца XX – начала XXI в., в которых получили творческое развитие традиции Л. Пантелеева. В первую очередь, нас интересует эволюция темы сиротства и беспризорности, нашедшая отражение в книгах современных прозаиков А. Лиханова, Е. Мурашовой, А. Приставкина, Д. Сабитовой, пишущих о детях, выброшенных на обочину жизни.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:**

*Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Батова, О. С. Архетип Отца в творчестве Л. Пантелеева / О. С. Батова // Известия Южного федер. ун-та. Филол. науки. – 2015. – № 1. – С. 21–27 (0, 44 п. л.).

2. Батова, О. С. Образ «блудного сына» в произведениях Л. Пантелеева о беспризорниках / О. С. Батова // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. – 2014. – № 5(90). – С. 131–135 (0,31 п. л.).

3. Батова, О.С. Мифопоэтическая традиция в произведениях Л. Пантелеева о сироте / Л. Н. Савина, О. С. Батова // Известия Южного федер. ун-та. Филол. науки. – 2015. – № 4. – С. 45–50 (0,38 п. л.)

*Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций*

4. Батова, О. С. Архетип «блудного сына» и его отражение в повести Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика Шкид» / О. С. Батова // Мировая словесность для детей и о детях: сб. ст. / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2012. – Вып. 16. – С. 9–13 (0,31 п. л.).

5. Батова, О. С. Изображение процесса инициации в повестях Л. Пантелеева «Республика Шкид» и «Часы» / О. С. Батова // Эстетико-художественное пространство мировой литературы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Москва, 14 мая 2013 г.). – М.: Ярославль: Ремдер, 2013. – С. 8–13 (0,38 п. л.).

6. Батова, О. С. Изображение эмоции вины в рассказе Л. Пантелеева «Главный инженер» / О. С. Батова // Эстетико-художественное пространство мировой литературы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Москва, 13 мая 2014 г.). – М.; Ярославль: Ремдер, 2014. – С. 3–7 (0,31 п. л.).

7. Батова, О. С. Изображение эмоции страха в рассказах Л. Пантелеева / О. С. Батова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых с междунар. участием: в 2 ч. Ч. 2. Современные проблемы изучения истории и теории литературы (8 февр. 2013 г.) / общ. ред. Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, Л. А. Запелалова и др.; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 81–85 (0,31 п. л.).

8. Батова, О. С. Изображение эмоции стыда в дневниковых записях Л. Пантелеева «Наша Маша» / О. С. Батова // Литература и фольклор в аспекте проблемы «рациональное – эмоциональное»: сб. науч. ст. по итогам VI Междунар. науч. конф. «Рациональное и эмоциональное в литературе и

фольклоре» (г. Волгоград, 31 окт. – 2 нояб. 2011 г.) / отв. ред. Е. Ф. Манаенкова. – Волгоград: Парадигма, 2012. – С. 12–126 (0,38 п. л.).

9. Батова, О. С. Образ «блудного сына» и его отражение в произведениях о детстве (Л. Пантелеев «Ленька Пантелеев», Л. Пантелеев и Г. Белых «Республика Шкид») / О. С. Батова // Актуальные вопросы изучения духовной культуры: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Москва, 15 мая 2012 г.). – М.: Ярославль: Ремдер, 2012. – С. 3–6 (0,25 п. л.).

10. Батова, О. С. Образ отца как духовного наставника ребенка в дневниковых записях Л. Пантелеева «Наша Маша» / О. С. Батова // Особенности духовно-нравственного формирования личности в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Михайловка Волгогр. обл., 21–22 окт. 2010 г.) / науч. ред. Н. К. Сергеев. – Волгоград: Бланк, 2011. – С. 182–185 (0,25 п. л.).

11. Батова, О. С. Нравственный мир «мудрого ребенка» в рассказах Л. Пантелеева / О. С. Батова // Особенности духовно-нравственного формирования личности в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Михайловка Волгогр. обл., 16–18 нояб. 2009 г.). – Волгоград: Бланк, 2010. – Ч. 2. – С. 10–12 (0,19 п. л.).

БАТОВА Ольга Сергеевна

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ  
Л. ПАНТЕЛЕЕВА О ДЕТСТВЕ

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Подписано к печати 12.10.16. Формат 60x84/16. Бум. офс.  
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»  
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27